

— Похоже, теперь тебе придется полагаться только на свою выносливость, — с легким беспокойством сказал Кевин, подняв взгляд на Освальда.

Освальд не ответил. Большой палец, которым он массировал висок, в какой-то момент замер. Из-за того что он опустил голову, Кевин со своего места мог видеть лишь его плотно сдвинутые брови, прорезавшие переносицу глубокой складкой, да выступившую на лбу легкую испарину.

— Уснул? — еще тише спросил Кевин, но ответа так и не последовало.

Немного поколебавшись, Кевин с тихим шорохом поднялся, пересел и устроился рядом с Освальдом.

Теперь он отчетливо видел профиль молодого императора. Глаза Освальда были плотно закрыты; из-за резко очерченных надбровных дуг и угловатых контуров лица его веки и лоб тонули в глубокой тени, что придавало ему невыразимо измученный вид.

Волосы у висков слегка взмокли от пота, ему явно было очень плохо. Даже во сне он не находил покоя: дышал тяжело, сбиваясь с ритма.

Кевин коснулся его безвольно опущенной ладони — она по-прежнему горела, и, кажется, даже сильнее, чем прежде. Кевину достаточно было просто сидеть рядом, чтобы чувствовать исходящий от чужого тела жар.

«Если так пойдет и дальше, дело плохо...» — подумал Кевин.

Впрочем, этот сильный жар спал быстрее, чем он ожидал. В крошечной тьме сложно было следить за временем, но Кевину показалось, что не прошло и получаса, как исходящий от Освальда жар заметно ослаб.

Он снова прикоснулся к ладони Освальда — температура и правда почти пришла в норму.

— Уже все? — Кевин удивился такой скорости восстановления и для верности приложил тыльную сторону ладони ко лбу Освальда. — Надо же, лихорадка действительно прошла...

Однако Император так и не проснулся.

Вспомнив, что тот провел без сна всю прошлую ночь, а сегодня перенес столько потрясений, Кевин не стал его будить, решив дать ему еще немного поспать.

Убедившись, что температура Освальда спала, Кевин успокоился и перестал за ним наблюдать. Прислонившись затылком к каменной стене, он тоже закрыл глаза, чтобы немного восстановить силы.

Но покой длился недолго. Вскоре Кевин резко распахнул глаза.

С легким недоумением повернувшись к Освальду, он увидел, что кончики его опущенных пальцев подернулись легкой синевой. Брови императора были сдвинуты еще сильнее, а тело едва заметно дрожало. От него исходил такой леденящий холод, совершенно не соответствовавший времени года, что даже самому Кевину стало зябко.

— Освальд? — Кевин коснулся его щеки и обнаружил, что она ледяная на ощупь. Спать в таком состоянии было опасно — он замерзнет еще сильнее, а укрыть его здесь было абсолютно нечем.

Император, который обычно спал очень чутко, сейчас словно провалился в кошмарный сон: до него невозможно было докричаться. Он лишь инстинктивно шевельнул пальцами, пытаясь схватиться за Кевина как за единственный источник тепла.

— Эй... — Кевин уже собирался растолкать его, но заметил, как Освальд, нахмурившись, шевельнул губами и пробормотал несколько слов. Интонация была настолько странной и непривычной, что Кевин поначалу ничего не понял.

Лишь мгновение спустя до него дошло: это был вовсе не язык народа Она, а звериный язык.

Сколько Освальд себя помнил, он почти никогда не видел во сне родителей. В те редкие разы, когда они все же всплывали в его сновидениях, это были лишь услышанные от какого-нибудь слуги слова вроде «Господин Пах» или «Госпожа Пах», лишенные даже намека на теплоту.

В конце концов, эти так называемые родители, чета Пах, ничем себя не проявили. Если выражаться циничнее, вместо родителей они были для него скорее опекунами, приютившими его. Помимо старого поместья, пожилого дворецкого и нескольких заносчивых слуг, они не дали Освальду ничего из того, что обычно дают нормальные родители: ни ласки, ни заботы, ни утешения, ни воспитания.

Не говоря уже обо всем этом, его никогда даже не пороли и не ругали.

Внешность Господина Паха он еще мог припомнить, если хорошенько задумывался. В конце концов, по праздникам тот иногда вспоминал, что в старом поместье живет его сын, и приезжал навестить его со свитой. Впрочем, визиты эти были чисто формальными: на деле он лишь расспрашивал дворецкого Иена о делах, а с самим Освальдом почти не разговаривал.

Что же касается Госпожи Пах, Освальд даже не помнил, как она выглядит. Все эти годы Госпожа Пах тяжело болела и не вставала с постели. Его контакты с ней были ничтожно малы, они виделись от силы несколько раз в жизни, и самой долгой их «встречей» стали ее похороны.

Но даже при этом Освальд не испытывал к ним ненависти. Ведь для ненависти нужны глубокие чувства, которых у него не было и в помине. Просто в детстве он никак не мог понять, почему чета Пах так к нему относится. По сравнению с другими их детьми у него не было лишней головы или недостающего глаза — так почему же именно с ним обходились иначе?

Ребенок не умеет анализировать тонкости любви и обид, ему трудно различить едва уловимые нюансы человеческих отношений. Но даже на уровне инстинктов Освальд понимал: чета Пах относилась к нему совсем не так, как подобает относиться к сыну.

Будь он их сыном, они бы выражали свою любовь или неприязнь более открыто и прямо. Но с Пахами все было иначе: в их поведении всегда сквозила какая-то нерешительность и непоследовательность.

Много лет спустя, когда Император Ноэль прислал за ним людей, чтобы забрать в Висячий замок Уцзинь, он наконец понял, в чем дело. Чета Пах относилась к нему как к горячей картофелине, которую и выбросить страшно, и в руках удержать боязно. Вполне естественная человеческая реакция.

Когда посланники императорской семьи впервые объявили ему, что он сын Императора Ноэля, его первой мыслью было: «Они с ума сошли! И этот гонец, и сам Император Ноэль!»

В его представлении Император Ноэль вовсе не был человеком, заслуживающим любви и

уважения. Об этом правителе ходило множество слухов, и, хотя Освальд долгие годы жил в старом поместье почти в полной изоляции, он все же кое-что слышал от болтливых слуг.

В молодости этот монарх был отъявленным повесой с неиссякаемой энергией, который менял женщин как перчатки. Разумеется, сам император подлецом себя не считал и всегда твердил, что безумно влюблен в каждую свою новую пассию.

Вот только его «океан любви» всякий раз оказывался мелкой лужей, которая пересыхала в два счета, а выбравшись на берег, он тут же забывал о былом. И ныряя в очередное любовное болотце, он неизменно говорил о прошлых отношениях: «Тогда я был слишком молод и не разобрался в собственных чувствах».

Он оставался «молодым» больше тридцати лет, пока наконец не бросил попытки оправдываться любовью, и к зрелому возрасту распутничал еще безудержнее, чем прежде.

То ли небеса покарали его, то ли по какой другой причине, но когда он наконец нагулялся и задумался о преемнике, то с ужасом обнаружил, что детей у него почти не осталось. Что еще хуже, те немногие, кто родился, умерли в младенчестве, и в живых осталась лишь одна дочь.

К несчастью, этот правитель был одержим безумной идеей о сыне-наследнике и полагал, что его единственная дочь не сможет унаследовать все Королевство Золотого Льва. И тогда разменявший шестой десяток Император Ноэль вновь пустился во все тяжкие, но за годы усердных стараний так ничего и не добился.

В конце концов он смирился с судьбой и, мысленно давая себе пощечины, принялся перебирать грехи молодости в надежде отыскать хоть кого-то из забытых сыновей.

Размышляя так и эдак, он вспомнил лишь об одном — об Освальде, которого когда-то отдал на воспитание семье Пах.

Освальд не испытывал ни малейшей симпатии к человеку, назвавшемуся его отцом. То точно так же его совершенно не привлекал Висячий замок Уцзинь — место, олицетворявшее власть и высокое положение.

Точнее говоря, то были два худших года в его жизни. Сначала он узнал, что командир Бронзовой армии Кевин Фассбиндер погиб на поле боя и они больше никогда не увидятся. Затем семью Пах и вовсе искоренили под корень, а старое поместье, в котором он прожил столько лет, сравняли с землей. Если бы он не забрал с собой в императорский дворец Иена, то от его детства и юности не осталось бы ни единой живой души.

Словно все его прошлое стерли без следа.

<http://bllate.org/book/18285/1753238>